

ясной, что специально отмечено Д. Н. Шмелевым (см. Шмелев, 1977). Все же есть возможность подойти к этому различию с точки зрения соотношения сущностных и функциональных свойств языка, причем первые должны выступать независимо от функций отдельных конкретных языков. Кардинальными проблемами этой области знания выступают: определение функций языка как его сущностных характеристик, их количества и их типов, установление свойств языковой системы по отношению к ним, выявление связи с ними функций отдельных единиц языка и т. д.

Большинство исследователей склоняются к тому, что число функций языка должно быть не просто ограниченным, а небольшим (В. А. Аврорин, Д. Н. Шмелев и др.). Эта идея поддерживается тенденцией современного теоретического мышления к укрупнению категорий, о которой писал Ю. С. Степанов (Степанов, 1975, 18). Не приходится говорить о том, что две из главнейших сущностных функций языка наука установила еще на первых этапах своего развития: быть средством общения и орудием выражения мысли, и нет оснований отказываться от этой модели. Показательно, что в большинстве диалогов о языке, которые провел Э. Парз с известными лингвистами, обсуждались именно эти две функции языка и выяснялся вопрос о первичности одной из них по отношению к другой (Парз, 1974). Принимая наличие двух взаимодополняющих сущностных характеристик языка — коммуникативной и когнитивной², мы все же полагаем, что нельзя ограничиваться ими.

Человек, как *homo sapiens*, обладает разумом и существует в общении с себе подобными, но, кроме того, наделен еще чувственно-эмоциональной сферой, которая также находит свое выражение в языке. Говоря о художественной речи, Д. Н. Шмелев пишет: «Эстетическая функция языка, обусловленная самой его природой... неизменно сопутствует функции коммуникативной» (Шмелев, 1977, 162); однако целесообразнее данную функцию именовать эмоциональной, ибо в языке находят выражение не только положительные, но и весьма отрицательные эмоции.

Эмоциональная функция языка не в меньшей степени связана с предыдущим опытом говорящего, чем когнитивная, и при восприятии какого-либо рассказа мы получаем не только информацию о логической последовательности событий, но и о переживании (или сопереживании) их говорящим.

Таким образом, мы присоединяемся к той модели функций, которая, пожалуй, наиболее четко была представлена А. Мартине (см. Мартине, 1963, 372) — основателем функционального направления во французской лингвистике (см. также Мартине, 1977).

Однако к этим базовым функциям следует, по нашему мнению, добавить еще одну, ранг которой в качестве сущностной не уступает первым трем. Имеется в виду метаязыковая функция, т. е. способность языка в полном объеме и непротиворечиво описывать самого себя. Ни одно другое явление в мире не обладает подобным свойством, и именно оно придает языку уникальный характер, о чем уже говорилось выше: язык может одновременно выступать в качестве и объекта, и инструмента исследования. Эта инструментальная роль языка используется многими науками, прежде всего логикой, создавшей свой языковой аппарат для исследования логических категорий и структур, т. е. одной части объекта, покрываемого общим термином «язык и мышление». Изобретение формальных средств выражения логических и математических понятий создало первое противопоставление языка-объекта и метаязыка и этим положило начало уяснению инструментальной функции языка, уникальность которой заставляет включить ее в

² Термин «когнитивная функция» представляется более удобным по сравнению с прочими, применяемыми по отношению к этой функции (экспрессивная, познавательная, аккумулятивная и т. п.), так как его этимология указывает лишь на связь с областью мышления, но не на ее характер — служат ли она для выражения или формирования мышления.